

И. А. Кузнецов

**«НЕКООПЕРАТИВНАЯ ФАТИКА»
В НЕФОРМАЛЬНОЙ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ
ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ**

*Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые устойчивые речевые модели некооперативных ответных реплик в вопросно-ответных диалогических единствах условно-фатического характера, представленные в неформальной коммуникации на русском языке. Актуальность исследования заключается в научно-гуманитарной и общекультурной значимости применения междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу русской неформальной диалогической коммуникации по корпусным данным. Материалом для исследования являются контексты, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Объем материала составил 250 минимальных диалогических единиц. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа. Непосредственным предметом исследования являются устойчивые речевые формулы «Ты мне не Х.» и «Я тебе не Х.» в ответных репликах. Концепция исследования исходит из расширенного понимания фатики, согласно которому доминантная цель фатического речевого взаимодействия, состоящая в ориентации на установление контакта между участниками коммуникации, в реальных условиях общения может трансформироваться в установку на «выяснение отношений», что приводит к нарушениям принципа коммуникативного сотрудничества. Показано, что исследуемые устойчивые речевые формулы в ответных репликах имеют значительный вербально-агрессивный потенциал, потому что вместо требуемого в соответствии с прагматическим принципом иллокутивной вынужденности информативного ответа содержат негативную характеристику намерений инициатора диалога, отрицательное отношение к эксплицированному в его реплике содержанию пропозиции или неприятие его личности в целом. Делается вывод о том, что указанные явления выполняют метакоммуникативную функцию «перехода на личности», что, собственно, и делает их действенными коммуникативными механизмами фатического речевого взаимодействия конфликтного типа.

Ключевые слова: *фатический диалог, некооперативная коммуникация, вопросно-ответные диалогические единства, неформальное речевое взаимодействие, метакоммуникативная функция, корпусно-дискурсивный анализ, русская речь*

I. A. Kuznetsov

**“NON-COOPERATIVE PHATICS”
IN INFORMAL QUESTION-AND-ANSWER DIALOGIC COMMUNICATION
IN RUSSIAN: CORPUS-DISCURSIVE ANALYSIS**

D. Mendeleev Russian University of Chemical Technology, Moscow, Russia

Abstract. The article examines some set speech patterns of non-cooperative response replicas in question-answer adjacency pairs of a conditional-phatic type, presented in informal communication in the Russian language. The relevance of the study lies in the scientific-humanitarian and general cultural significance of applying an interdisciplinary cognitive-discursive approach to the analysis of Russian informal dialogic communication based on corpus data. The study material is contexts extracted from the main

corpus of the Russian National Corpus. The volume of the material amounted to 250 minimal dialogic units. The methodology of corpus-discursive analysis was used. The immediate subject of the study is the set speech formulas “Ty мне не X.” and “Ya тебе не X.” in response replicas. The conception of the study is based on an expanded understanding of phatics, according to which the dominant intention of phatic speech interaction, which consists of orientation toward establishing contact between the participants in communication, in real communication conditions can be transformed into an attitude toward “clarifying relations”, which leads to violations of the principle of communicative cooperation. It is shown that the studied set speech formulas in response remarks have significant verbal-aggressive potential because, instead of an informative response required in accordance with the pragmatic principle of illocutionary compulsion, they contain a negative characterization of the initiator’s intentions, a negative attitude toward the content of the proposition explicitly stated in their remark, or a rejection of their personality as a whole. It is concluded that, in general, these phenomena perform the meta-communicative function of “transition to personalities”, which, in fact, makes them effective communicative mechanisms of phatic speech interaction of the conflict type.

Keywords: *phatic dialogue, non-cooperative communication, question-answer adjacency pairs, informal speech interaction, meta-communicative function, corpus-discursive analysis, Russian speech*

Введение. В статье представлены новые результаты нашего продолжающегося исследования моделей фатической диалогической коммуникации в русской речи. Мы придерживаемся расширенного понимания фатики (в нашей терминологии – условно-фатическое речевое общение), согласно которому в область исследования включаются и случаи, когда «фатический компонент не отменяет информативный, но присутствует в фоновой, имплицитной зоне в качестве добавочной информации об условиях ведения диалога, об отношениях коммуникантов друг к другу или к ситуации в целом и пр.» [4, с. 108].

Начиная с работ Р. О. Яковсона, фатическую сторону речевого взаимодействия, в противовес информативной, принято рассматривать как установку на «общение ради общения», целью которого является установление контакта между участниками диалогических интеракций [14]. Однако «общение ради общения» отнюдь не обязательно осуществляется в рамках всеобъемлющего принципа кооперации Г. П. Грайса [3] и принципа вежливости Дж. Н. Лича [18], т. е. далеко не всегда обусловлено наличием «добрых чувств» между коммуникантами. Иначе говоря, возможна и «некооперативная фатика», которая, как показали многие исследования, воплощает конфликтогенный потенциал диалогического дискурса ([2], [12]). В реальных условиях общения ориентация на установление межличностных отношений может трансформироваться в установку на «выяснение отношений», зачастую с использованием разнообразных средств вербальной агрессии [13]. В наших предыдущих работах выявлены репрезентативные прагмалингвистические модели порождения конфликтного речевого акта в вопросно-ответном речевом взаимодействии [17]. В настоящей статье на новом языковом материале рассматриваются некоторые устойчивые речевые формулы некооперативных ответных реплик в вопросно-ответных диалогических единствах, представленные в неформальной коммуникации на русском языке.

Целью исследования является анализ прагмалингвистических функций устойчивых речевых формул «Ты мне не X.» и «Я тебе не X.» в вопросно-ответных диалогических единствах как маркеров конфликтного фатического речевого взаимодействия в русском диалогическом дискурсе.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования заключается в научно-гуманитарной и общекультурной значимости применения междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу русской неформальной диалогической коммуникации по корпусным данным. Аналитический инструментарий выявления скрытых, имплицитных механизмов некооперативного речевого взаимодействия имеет существенную научно-практическую ценность для дискурс-аналитических исследовательских

практик, в том числе в области медиалингвистических научных штудий, а также в теории и практике производства лингвистических экспертиз ([6], [8]).

Материал и методы исследования. Материалом для исследования являются контексты, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка [5]. Выбранные контексты представляют собой минимальные единицы вопросно-ответного диалога – вопросно-ответные диалогические единства [1]. Объем материала составил 250 минимальных диалогических единиц.

В исследовании использована научная процедура корпусно-дискурсивного анализа [9], которая, в свою очередь, основана на идеях и принципах прагматической стилистики [15], аффективной прагматики [20] и экспериментальной прагматики [19], а также на методах когнитивно-ориентированного дискурс-анализа корпусных данных ([10], [11]). Исследовательская модель выявления имплицитного компонента речевого взаимодействия базируется на теоретических разработках Е. В. Падучевой в области анализа механизмов имплицитной связности диалога [7] и на концепции логико-семантического анализа имплицатур Р. Карстона [16].

Результаты исследования и их обсуждение. Непосредственным предметом исследования являются устойчивые речевые формулы «Ты мне не Х.» и «Я тебе не Х.» в ответных репликах вопросно-ответных диалогических единств в русской разговорной речи. Условными образцами непринужденной разговорной речи выступают примеры диалогической речи из художественной литературы или публицистики, представленные в основном корпусе НКРЯ.

Общим свойством для обеих моделей является их использование в метакоммуникативной функции, согласно которой в ответной реплике реализуется речевая стратегия «выход на метауровень» [4], когда вместо требуемого по ситуации конкретного информативного ответа отвечающий обсуждает сам способ ведения диалога со стороны инициатора диалога, его интенции, обстановку речи или даже личностные качества инициатора диалога. При этом часто на повышенных тонах задействуется конфликтотенная речевая стратегия отказа говорить на предложенную тему, возражения, несогласия и под.

Устойчивая речевая формула «Ты мне не Х.» В корпусе примеров мы ограничились только случаями, где переменная Х заполняется императивом II лица глаголов речи с эксплицитной негативно-оценочной семантикой. Во всех указанных случаях в ответной реплике посредством речевой формулы «Ты мне не Х.» облигаторно имплицитно отрицательная оценка самого факта речевого действия со стороны инициатора диалога, его содержания или формы, его прагматической уместности и т. п.

Чаще всего в ответной реплике содержится претензия к качеству запрашиваемой в вопросительной реплике информации – к ее содержательности, достоверности, полноте или целесообразности в данной ситуации. Это может быть:

– упрек в сознательном искажении информации, т. е. попросту – во лжи, например: – ... *А стрельнул кто и в тюрьме крик голосов начался?.. // – Ты мне не ври!* [А. П. Платонов. Счастливая Москва (1936)].

– упрек в намеренном введении в заблуждение или в сознательном уклонении от сути обсуждаемой ситуации, например: [Расплюев]. ... *Я продулся? С чего вы это взяли? // [Кречинский]. Уж я слышу. Ты мне не финти, пустая голова!* [А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского (1855)].

– упрек в неискренности намерений инициатора диалога, например: – *Вы, што ли, солнце заслоняете? – сказала Паня остановившемуся по пути к своей будке дяде Буле. – А Дмитровка и Пушкинская – то же самое? – вдруг спросила она, как бы подводя разговор к Столешникову, то есть к галантерею. // – Ты мне не хитри! – пресек ее замысел дядя Буля...* [Асар Эппель. Чулки со стрелкой (1993)].

– упрек в притворстве, в том, что инициатор диалога не тот, за кого себя выдает, например: *Перепуганный насмерть Анастас, до этого не имевший никакого понятия ни о судьях, ни о прокурорах, внезапно все забыл и на вопрос следователя: «Расскажите, как было дело?» – ответил вопросом: «Какое еще дело?».* // *Следователь улыбнулся: Ты мне не строй злоумышленника. Рассказывай, как спалил ригу* [Виктор Курочкин. Последняя весна (1968)].

– упрек в том, что инициатор нарочито говорит, стараясь показать свой ум (по мнению отвечающего, это является неуместным или не соответствует сути обсуждаемой ситуации), например: – ... *Если бы ты просил проверять пациента каждые полчаса, ты должен был написать «проверять жизненные показания каждые полчаса». Какая разница, если запись на полчаса раньше?* // *Он сверкнул белками больших глаз на черном лице: // Ты мне не умничай...* [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)].

Другая группа примеров отражает неприятие со стороны отвечающего неподобающего, по его мнению, тона, выбранного инициатором диалога, самой манеры речи, которая отличается неуместной грубостью или неоправданной вербальной агрессией, например: – ... *Я же не специально. Мне что – нужно было глаза закрывать, когда вижу такое?* // – *Какое такое? – дерзко спросила Майя.* // – *Ты мне не зруб!* – *осадила ее мать* [Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014]; – *А зачем она тебя приводила?* // – *Я-то откуда знаю? Приводила и приводила. Может, хотела познакомиться?* // – *Ты мне не хам* [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

В ряде случаев неприятию со стороны отвечающего подвергается лишь сам выбор инициатором диалога того или иного регистра общения – *на ты* или *на вы*, например: – ... *Я поначалу подумала, постарше ты. А щетину сбрил – мальчишка совсем.* // – *А вы с какого? – задал неудобный вопрос Сашка, но Паша, не смутившись ничуть, ответила: // – С пятнадцатого я. Ты мне не выкай. Не тетка я тебе* [Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)].

В целом отметим, что при всем различии иллокутивных доминант в проанализированных выше примерах в них посредством модели «Ты мне не X.» так или иначе порождается негативно-оценочная импликатура: ‘Ты не должен говорить мне это / разговаривать со мной таким тоном. → Это неправильно, неискренне, неуместно, нецелесообразно. → Ты вообще плохо, неправильно, недостойно ведешь себя со мной / разговариваешь со мной’. Иначе говоря, в импликатурах подобного типа содержится отрицательное отношение отвечающего к интенциям инициатора диалога, к эксплицированному в его реплике содержанию пропозиции, к избранной им манере речи – или даже неприятие каких-л. свойств его личности в целом, что доказывает наличие у речевой формулы «Ты мне не X.» значительного конфликтогенного потенциала.

Устойчивая речевая формула «Я тебе не X.» В корпусе примеров мы ограничивались только случаями, где переменная X заполняется именем существительным или именной группой в предикатном употреблении, т. е. не в номинативной, а в характеризующей функции. С проанализированной выше моделью эту речевую формулу объединяет наличие негативно-оценочных импликатур в плане содержания или формы реплики со стороны инициатора диалога. Но имеется и существенное отличие в акцентах в коммуникативной ситуации «вопрос–ответ»: в случае с речевой формулой «Я тебе не X.» отвечающий характеризует не речевые действия инициатора диалога, а собственную точку зрения на то, что сказано в инициальной реплике. Он тем самым выражает неприятие позиции инициатора диалога или его мотивации, имплицитно сомнение в его правоте инициатора диалога, невозможность или нежелание следовать его указаниям, при этом в косвенной форме, иногда в экспрессивном регистре, «на повышенных тонах», сжато излагая обоснование данного неприятия, сомнения, невозможности или нежелания.

Это может быть:

– экспрессивный отказ от выполнения просьбы со стороны инициатора диалога, например: *Бобан видел в зеркало заднего вида застывшее лицо Евнуха и, освободившись*

от хватки, предложил: // – Старина, может трянем стариной, как бывало?.. // – Нет, Бобан. Если успел что натворить, разбирайся сам. **Я тебе не помощник** [Сергей Романов. Парламент (2000)].

– реализация установки на перемену темы в интересах отвечающего, например: – ... Начальник обидел. Ты ему не понравился? // – А тебе я нравлюсь? – с вызовом отвечает подросток и поднимает к свету худое грязное лицо. // – **Я тебе не начальник**, – спокойно говорит парень, – и не девушка, между прочим. Ты давай выкладывай свои обиды, а я рассужу [Рид Грачев. Зуб болит (1959)].

– невежливое, некооперативное выражение нежелания продолжать коммуникацию в заданном инициатором диалога ключе, например: Однажды Ксюта спросила у Гриши, как у человека из города: // – Гриша, а чо тако – грех? // Гриша пугливо оглянулся и хмуро процедил, не желая связываться: // – **Я тебе не поп**... Это они по этим делам специалисты... [Евгений Евтушенко. Ягодные места (1982)].

Нежелание продолжать коммуникацию может быть выражено на повышенных тонах, посредством эмоционально-экспрессивных метафор, которые усиливают иллюкативную доминанту коммуникативного конфликта, например: [Вася]: Берлин слышать – во! Людмилочка... ну... что ж ты молчишь?.. Не хочешь разговаривать? // [Людмила]: Можешь со своим радио разговаривать. **Я тебе не громкоговоритель**. Кроме всяких шуток, на девяносто рублей в месяц, кажется, можно было кое-чего приобрести... [В. П. Катаев. Квадратура круга (1928)]. Как видим, в модусе «языковой игры» обыгрывается прием доведения до абсурда, целью которого является обидный для инициатора диалога отказ от продолжения речевого общения.

При использовании речевой формулы «Я тебе не Х.» отвечающим может эксплуатироваться прагмалингвистический механизм инференции – умозаключения, которое, по замыслу говорящего, адресат сам должен вывести из сказанного, с опорой на энциклопедические знания или на культурный фон ([8], [9]). Часто при этом используются прецедентные имена, например: – ... Ну, допустим, ты прав. И что нам это дает? – убедить Станислава было не легче, чем разубедить Гурова. // – А хрен его знает! – Гуров остановился и обернулся к другу. – **Я тебе не апостол Павел** и с душами умерших говорить не сподобился [Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001)]; – ... Слушай, я могу позвонить жене? Ты не обидишься? // Да звони кому хочешь! Хоть тысячам жен и любовниц! **Я тебе не Цербер!** Настя уже обиделась и вышла, хлопнув дверью [Андрей Житков. Кафедра (2000)]. В этих случаях культурно-символический потенциал прецедентных собственных имен используется коммуникантами достаточно произвольно: отвечающий закладывает нужную ему интерпретацию по модели манипулятивной коммуникативной стратегии *de re* ([6], [10]).

Также посредством речевой формулы «Я тебе не Х.» отвечающий может выражать свое неприятие манеры речи, недопустимой тональности разговора со стороны инициатора диалога, например: – Ты дашь мне сказать? – багровея, крикнул Давыдов. // – Ты на меня не ори! **Я тебе не Лушка Нагульнова!** [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)]. В этом фрагменте также задействован прагмалингвистический механизм инференции: отвечающий апеллирует к общему фонду знаний героев романа Шолохова об отношениях персонажей, о которых идет речь. Манипулятивно навязывается умозаключение о том, что Давыдову не подобает обращаться к равным себе по социальному положению в том же вербально-агрессивном ключе, в котором, по мнению отвечающего, принято обращаться со своими любовницами.

Достаточно большой блок примеров представляют разнообразные версии неприятия отвечающим самого способа обращения к нему. Прежде всего это случаи, когда инициатор диалога в своем обращении неправильно или неприемлемо именно для данной

коммуникативной ситуации указывает социальный ранг отвечающего, например: – *Слушаю, ваше благородие, чего изволите?* – вместо ответа насмешиливо огрызнулся Федя. Но обыкновенно податливого и мягкого Шебалова на этот раз всерьез задело Федино замечание. // – **Я тебе не ваше благородие**, – серьезно и огорченно сказал он, – **я тебе не благородие**, и ты мне не нижний чин. Но я командир отряда и должен требовать, чтобы меня слушались [А. П. Гайдар. Школа (1929)]; – *Товарищ следователь, ну как же я могу признаться?.. Верьте моей совести, ни в чем, то есть ни в чем не виноват! Ах, Господи Боже Ты мой, ну как мне, ну как же мне убедить вас, дорогой товарищ следователь?! – жалобно плакался фальцет.* // – **Я тебе не товарищ**, сукин ты сын! Вот тебе! Получай за «товарища»! – раздался гулкий звук *оплеухи* [Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (1934–1944)]. Как видим, неприятие самого выбранного инициатором диалога формата обращения выражается отвечающим в негативном ключе. При этом возможность дальнейшей эскалации конфликта опускается в зону имплицитных смыслов, подспудного содержания подобных диалогических интеракций.

Неприятие неподобающей, с точки зрения отвечающего, формы обращения, не соответствующей социальной роли, может сопровождаться неприятием формата обращения «на ты» или «на Вы», например: *Только мы свернули на пыльную дорогу, я осторожно спросил: // А как вас зовут? // – Во-первых, ты мне не «выкай». Я тебе не барон и не князь, – сказал курсант важно. – А зовут меня Коломеец, Никита Федорович Коломеец, честь имею!* [В. П. Беляев. Старая крепость (1937–1940)]. Данный пример интересен тем, что в нем реализована модель, в каком-то смысле обратная общепринятой. В узусе максимумом конфликтности, как правило, напротив, характеризуется выбор неформального (а значит, потенциально грубого, невежливого) «ты» вместо вежливого «Вы», хотя в редких случаях, как показано в работе Ю. В. Щербининой, и обратное может приводить к коммуникативному ущербу для адресата [13].

Часто в подобных случаях конфликтное использование речевой формулы «Я тебе не Х.» выражается в неправильном или ситуативно неуместном обращении по имени, а не по занимаемой высокой должности или по роду занятий, например: – *Так, – сказал Брюханов, помолчал, словно чего-то еще ожидая. – Значит, говоришь, Советскую власть на... променял? Знаешь, Тихон?..* // – **Я тебе не Тихон** в подобном разговоре, а секретарь райкома, – жестко и коротко сказал Брюханов, по-прежнему не повышая голоса [П. Л. Проскурин. Судьба. Книга первая. Адамов корень (1993)]; – *Егорка, подлец! Чтой-то ты вздумал? Как ты смеешь? – крикнет, бывало, Иосиф на своего игумна, когда тот сделает что-нибудь несогласное с желанием своего барина.* // – **Я тебе не Егорка**, – строго ответит игумен. – *Твой Егорка был да сплыл, аз же, многогрешный, – смиренный игумен честной обители Покрова пресвятыя богородицы – инок Галактион* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874)].

Национально обусловленной чертой русского диалогического дискурса является широкий диапазон варьирования обращения к человеку по имени, включая разные комбинации только имени, только отчества, только фамилии или имени, отчества и фамилии вместе. Неподобающий, с точки зрения адресата, выбор формат обращения имеет значительный конфликтный потенциал, что можно видеть и в реакции адресата с использованием интересующей нас речевой формулы «Я тебе не Х.». Это может быть неприятие отвечающим излишне неформального обращения, не соответствующего, по его мнению, его социальному статусу, который у него выше, чем у инициатора диалога, например: *Он встал в дверях, ухмыляясь, и сказал: // – Ты так орешь, Сережа, что я подумал, что ты вдруг любовью решил заняться. Может, договорим сначала? // – Я тебе не Сережа!* – подскочил я к нему. – *Это ты для меня – Стасик! А я для тебя – Сергей Валентинович!* [Алексей Слаповский. Висельник (1994)].

Неприятие избранного инициатором диалога формата обращения не обязательно связано со статусными различиями между ним и отвечающим. Оно может быть порождено тем, что отвечающему по тем или иным причинам не нравится один из вариантов уменьшительной неофициальной формы его имени, которые, как известно, в изобилии предоставляет говорящим русский язык, например: – *Знаешь, Анечка?.. – начал Пашка. // – Я тебе не Анечка,* – резко сказала Анка. Она терпеть не могла, когда ее называли не Анка, а как-нибудь еще [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом (1963)].

Справедливости ради надо отметить, что иногда использование интересующей нас речевой формулы в вербально-агрессивной тональности основано на недоразумении, когда коммуникативный сбой вызван просто неправильно понятой репликой инициатора диалога, например: – *Простите, – сказал я. – Может быть, здесь какой-нибудь ваш коллега есть, который согласится мне их починить?.* // – *Я – калека?!* – возмутился он, – *Ты что думаешь? Ты не смотри, что у меня ноги нет! Я тебе не калека!..* [митрополит Питирим (Нечаев). Русь уходящая (1993–2003)]. Нетрудно видеть, что неадекватная конфликтная реакция отвечающего в этом примере вызвана тем, что он воспринял слово *коллега* в реплике инициатора диалога как близкое этому слову по звучанию и обидное для него *калека*. Однако при этом имплицитный конфликтогенный потенциал модели «Я тебе не X.» в этом контексте все равно никуда не девается, потому что, как видим, он не подлежит нейтрализации даже в случае отсутствия реальных причин для возможного речевого конфликта.

В массиве примеров нами обнаружен интересный фрагмент, в котором в одном контексте диалогической интеракции встречаются обе интересующие нас речевые формулы – «Ты мне не X.» и «Я тебе не X.», например: – *А ты меня обзываешь черт те покаковски! Понимаешь ты это, дурак, что я сражаюсь за идею?! // (1) – Ты мне голову не морочь!* – возражал Чумаков. – (1) *Ты мне не наводи тень на плетень.* (2) *Я тебе не мальчик! Тоже, нашелся идейный! Самый натуральный разбойник ты, и больше ничего* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая (1928–1940)]. В этом примере одновременно сталкиваются две коммуникативные установки, одна из которых («Ты мне не X.») направлена на негативную характеристику речевых действий инициатора диалога, а другая («Я тебе не X.») – на вербально-агрессивное разъяснение отвечающим своей позиции по поводу этих речевых действий. Очевидно, что подобное контекстное сближение усиливает конфликтогенность ответной реплики.

В целом отметим, что, как и для проанализированных выше речевых реализаций модели «Ты мне не X.», посредством модели «Я тебе не X.» также порождается негативно-оценочная импликация: 'Если бы я был таким или вел себя так, как ты думаешь, я бы согласился с тобой / сделал то, что ты просишь. → Но я не такой. → Ты обо мне думаешь неправильно / ко мне относишься неправильно. → Я не скажу / не сделаю того, что ты от меня ждешь'. В подавляющем большинстве случаев эта импликация тоже носит конфликтогенный характер и тем самым способна нарушить принципы кооперации и вежливости, потому что в зоне имплицитных смыслов всегда содержит какую-то напряженность в отношении между коммуникантами, всегда чревата выходом на метауровень по модели «выяснения отношений».

Выводы. Проанализированный материал подтверждает значительный конфликтогенный потенциал устойчивых речевых формул «Ты мне не X.» и «Я тебе не X.» в ответных репликах вопросно-ответных диалогических единств в неформальной коммуникации на русском языке. В определенных типовых коммуникативных условиях эти модели являются маркером некооперативного, конфликтного речевого взаимодействия, потому что практически однозначно имплицитно в речевой зоне отвечающего негативную характеристику намерений инициатора диалога, отрицательное отношение к эксплицитному в его реплике содержанию пропозиции или даже неприятие его личности в целом, что нередко сопровождается и вербально-агрессивной тональностью диалогических интеракций. В целом

указанные явления выполняют метакоммуникативную функцию «перехода на личности», что, собственно, и оставляет их в рамках фатики, но фатики некооперативной. Проанализированные речевые формулы, наряду с другими типовыми моделями, маркирующими актуализацию имплицитной вербальной агрессии в неформальном, разговорном диалогическом дискурсе, являются действенными коммуникативными механизмами фатического речевого взаимодействия конфликтного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста : лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3. – С. 8–17.
2. Белоус Н. А. Функциональные особенности конфликтного дискурса // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 152–157.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике : Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
4. Кузнецов И. А. Модели имплицитной связности в современных отечественных медиатекстах : корпусно-дискурсивный анализ фатической диалогической речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 106–115. – DOI 10.15688/jvolsu2.2025.3.9.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.11.2025).
6. Новые тенденции в русском языке начала XXI века : коллективная монография / под ред. Л. В. Рабицурской. – М. : Флинта ; Наука, 2016. – 304 с.
7. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 305–313.
8. Радбиль Т. Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе : опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 406–420. – DOI 10.21638/spbu22.2021.407.
9. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 170–189. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
10. Русский язык в интернет-коммуникации : лингвокогнитивный и прагматический аспекты : Коллективная монография / под ред. Л. В. Рабицурской. – М. : Флинта, 2021. – 328 с.
11. Чернявская В. Е., Хохлова М. В. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы : монография. – М. : URSS, 2024. – 224 с.
12. Ширяев Е. Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов // Проблемы речевой коммуникации : Межвузовский сборник научных трудов / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Издательство Саратовского государственного университета, 2000. – С. 80–85.
13. Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 224 с.
14. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : Сборник статей / Сост. М. Я. Полякова; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 190–230.
15. Black E. Pragmatic Stylistics. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006. – 166 p.
16. Carston R. Implicature, explicature, and truth-theoretic semantics // Mental Representations : The Interface between Language and Reality : col. art. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 155–181.
17. Kuznetsov I. A., Kuznetsova T. I. Language mechanisms of verbal aggression in Russian phatic dialogical communication // Communication Studies (Russia). – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 435–448. – DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(3).435-448.
18. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London : New York: Longman, 1983. – 250 p. – DOI 10.1017/S0272263100005210.
19. Noveck I. Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 282 p.
20. Scarantino A. How to do things with emotional expressions : the theory of affective pragmatics // Psychological Inquiry. – 2017. – No. 28(2-3). – P. 65–185. – DOI 10.1080/1047840X.2017.1328951.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026

REFERENCES

1. Baranov A. N., Kreydlin G. Ye. Struktura dialogicheskogo teksta : leksicheskiye pokazateli minimal'nykh dialogov // Voprosy yazykoznanija. – 1992. – № 3. – S. 8–17.

2. Belous N. A. Funktsional'nyye osobennosti konfliktного diskur-sa // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. – 2008. – № 4. – S. 152–157.
3. Grays G. P. Logika i rechevoye obshcheniye // Novoye v zarubezhnoy lingvistike : Lingvisticheskaya pragmatika / Sost. i vst. st. N. D. Arutyunovoy i Ye. V. Paduchevoy; obshch. red.. Ye. V. Paduchevoy. – M. : Progress, 1985. – Vyp. 16. – S. 217–237.
4. Kuznetsov I. A. Modeli implitsitnoy svyaznosti v sovremennykh otechestvennykh mediatekstakh : korpusno-diskursivnyy analiz fatcheskoy dialogicheskoy rechi // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaneniye. – 2025. – T. 24, № 3. – S. 106–115. – DOI 10.15688/jvolsu2.2025.3.9.
5. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya : 04.11.2025).
6. Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka : kollektivnaya monografiya / pod red. L. V. Ratsiburskoy. – M. : Flinta; Nauka, 2016. – 304 s.
7. Paducheva Ye. V. Pragmaticheskiye aspekty svyaznosti dialoga // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. – 1982. – T. 41, № 4. – S. 305–313.
8. Radbil' T. B. «Psevdotsennosti» v sovremennom otechestvennom mediynom diskurse : opyt logicheskogo analiza implitsitnoy otsenochnosti v yazyke pechatnykh SMI // Medialingvistika. – 2021. – T. 8, № 4. – S. 406–420. – DOI 10.21638/spbu22.2021.407.
9. Radbil' T. B. Yazykovoye voploshcheniye tsennostey v mediadiskurse interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-khoroshemu) // Nauchnyy dialog. – 2023. – T. 12, № 6. – S. 170–189. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
10. Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii : lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty : Kollektivnaya monografiya / pod red. L. V. Ratsiburskoy. – M. : Flinta, 2021. – 328 s.
11. Chernyavskaya V. Ye., Khokhlova M. V. Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody : monografiya. – M. : URSS, 2024. — 224 s.
12. Shirayev E. H. Struktura intentsional'nykh konfliktnykh dialogov // Problemy rechevoy kommunikatsii : Mezhvuzovskiy sbornik nauch-nykh trudov / pod red. O. B. Sirotinoy. – Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. – S. 80–85.
13. Shcherbinina Yu. V. Russkiy yazyk. Rehevaya agressiya i puti yeye preodoleniya. – 3-ye izd., ster. – M. : FLINTA, 2018. – 224 s.
14. Yakobson R. O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv» : Sbornik statey / Sost. M. Ya. Polyakova; pod red. Ye. Ya. Basina i M. Ya. Polyakova. – M. : Progress, 1975. – S. 190–230.
15. Black E. Pragmatic Stylistics. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006. – 316 p.
16. Carston R. Implicature, explicature, and truth-theoretic semantics // Mental Representations : The Interface between Language and Reality : col. art. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 155–181.
17. Kuznetsov I. A., Kuznetsova T. I. Language mechanisms of verbal aggression in Russian phatic dialogical communication // Communication Studies (Russia). – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 435–448. – DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(3).435-448.
18. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London, New York : Longman, 1983. – 250 p. – DOI 10.1017/S0272263100005210.
19. Noveck I. Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 282 p.
20. Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions : The Theory of Affective Pragmatics // Psychological Inquiry. – 2017. – № 28(2–3). – P. 65–185. – DOI 10.1080/1047840X.2017.1328951.

The article was contributed on January 13, 2026

Сведения об авторе

Кузнецов Игорь Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1683-5507>, igorkuznetz@gmail.com

Author Information

Kuznetsov, Igor Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1683-5507>, igorkuznetz@gmail.com